

*Победители литературного
конкурса им. А. Л. Чижевского*

Татьяна Филиппова

Гулаб-джамун

Я больше никогда не вернусь в круглосуточное кафе на центральной улице Дели. И пусть в нём всегда пахнет выпечкой и свежесваренным кофе не для меня. Днём «Коннат-Плейс» — множество двухэтажных домиков колониальной архитектуры, в которых гнездятся, на манер улья, многочисленнные магазинчики. Словосочетание «архитектура на букву „к“» зачастую очень раздражает местных, привыкших отстаивать свою национальную гордость и недолюбливать бывших угнетателей. Правда, они забывают, что даже возмущаются с ярко выраженным британским акцентом, нося европейские вещи и стараясь дать своим детям образование за рубежом.

Это улица контрастов. Днём у магазина «Apple» можно увидеть сидящего на плитке бомжа с палевой собакой. Он тоже в капиталистическом мире: держит бизнес — торгует паном. Это лёгкий наркотик, продающийся везде, если у тебя есть деньги или выгодное предложение для бартера. Я часто наблюдаю, как старик готовит новый товар. Оборванный босой мальчишка приносит ему объёмный контейнер с ярко-зелёной массой. Погладив бродячего пса, старик начинает формовать небольшие круглые «фрикадельки». Изредка торговец сплёвывает на них для лучшей липкости, а потом раскладывает по маленьким пластиковым подложкам, пока смесь в контейнере не кончится. На шарики садятся мухи и какие-то мелкие насекомые. Затем оборачивает пищевой плёнкой. Готово! У него несколько конкурентов, но они решили сесть друг от друга на расстоянии в один квартал.

Делийская идиллия мирного торговца открывается мне из окна кофейни. Здесь уютная обстановка в приглушённых мятно-зелёных тонах и национальные сладости, которые готовятся прямо перед посетителями. Сейчас очень поздно, я единственный клиент. Официант в насыщено-изумрудном костюме приносит заказ: масала чай и гулаб-джамуны. Точнее сказать, чай, сваренный в молоке со специями, и сладкий шарик из кокосовой мякоти, рисовой муки, варенный в карамельном сиропе. Похоже на маленькие мокрые булочки, которые прилипают к нёбу и заполняют язык приторно-сахарным вкусом. Влажные комки теста крошатся на тарелке, стоит лишь отломить ложкой от идеально круглого шарика кусочек.

Вздрагиваю от резкого звука. Официант громко говорит кому-то уйти. Оборачиваюсь и вижу того мальчика — босоногого оборванца, который помогает торговцу. Он протягивает тридцать рупий и просит завернуть с собой гулаб-джамуны. Худой, с выразительными глазами. Наверное, лет одиннадцать-тринадцать. В таком возрасте я играла с куклами. Официант грубо выталкивает его за дверь.

Это не благородная борьба хозяина заведения с продавцами наркотиков. Мальчика не пускают из-за несоответствия дресс-коду. Такое отношение очень распространено в подобных местах. Бедность оскорбляет своим видом посетителей. Понимаю: не будь в кафе никого, ему могли продать сладости. Всё из-за меня.

А за стеклянной витриной лежат пирожные, обёрнутые листочками дурманного растения. Если в кондитерском изделии виднеется зелёный насыщенный оттенок, вероятность того, что это что-то с фисташками или мятой, очень мала. Скорее всего, это пищевой пан.

«Владелец кофейни и уличные торговцы мало отличаются друг от друга. Просто изделия одних — на красивых подложках и в богато оформленном кафе, других — на тонких и пластиковых, а содержимое смешано с пылью делийских улиц. Но смысл не меняется, не так ли? И те, и другие продают наркотик...» Эта идея настолько нравилась мне! Я решила поведать её Шалини. Та с серьёзным видом объяснила, что разница как между селёдкой и китом. Пищевой пан имеет только малую дозу вещества и практически безвреден для организма, но вот «чистый», которым торгуют, не только вызывает привыкание, но и разъедает слизистые оболочки человека. Поэтому она в детстве боялась дядюшку Бабу — его рот и дёсны были чёрными, гнили и страшно воняли. «Хорошо, что он умер», — заключила рассказ она. На моё возмущение она ответила: «Ты что? В другом воплощении ему будет гораздо лучше, а наша семья не страдает от его присутствия здесь».

Становится стыдно, что сию тут богатая, по индийским меркам, причёсанная, сытая, в хорошей одежде, все обращаются ко мне исключительно на «мисс», так как я — «мэм сахиб». Кусок в горло не лезет. Вижу, как мальчик подходит к старику

и, видимо, жалуется, отчаянно жестикулируя, на несправедливость. Не слышу их разговора, но понимаю, что горячая обида передаётся и торговцу паном. Но подходит парень в выцветшей одежде, и дискуссия не продолжается — идёт бизнес.

Мне кажется, что бежевый пёс — перерождение дяди Бабу. Он лежит рядом с паном, видит его, но не может съесть. Слышит, как люди торгуются за эти кусочки, порой отдавая последнее. В таком обороте колеса сансары была бы некая ирония.

Я беру гулаб-джамуны на вынос. Их складывают в прозрачный контейнер с плотной застёжкой. Эти шарики тоже могут принести счастье, не выводя в «забытьё». Пока всё упаковывают, заказываю «Убер». Такси придёт через три минуты, успею расплатиться и быстро отдать мальчику сладости.

Выхожу, вдыхая ночную делийскую прохладу. В ней столько плотности и влажности, что, кажется, можно зачерпнуть стакан воды. Я по привычке смотрю наверх, но звёзд не видно — серый смог, которым окутан весь город, не пропускает даже свет луны. Находясь в низменности, Дели задыхается в собственном дыме благовоний и выхлопов машин. Лёгкие здесь всегда слегка сдавлены тяжестью воздуха. Подхожу к торговцу и протягиваю пакет с фирменным логотипом кофейни. Он понимает, в чём дело. Взмахивает, как испуганная птица, рукавами, настолько длинными и широкими, что я

не могу разглядеть даже кончиков пальцев. Мальчик тянется к пакету, но грязно-жёлтое крыло резко бьёт его по руке. Я ловлю на себе взгляд испуганного птенца.

— Hum parpokar nhi mangte! Nhi parpokarr! — каркает на меня старик.

Кажется, когда-то он был вороном.

Подъезжает такси. Я ловлю непонимающий взгляд мальчика, ощущаю презрение, исходящее от старика. Резко разворачиваюсь и сажусь в машину. Водитель быстро удаляется от места. Мне стыдно. Я обидела этих людей. Выдумала себе наивное благочестие, которое на самом деле — лишь гарцевание перед собственной совестью, гордостью. Эти гулаб-джамуны были нужны не мальчику, а мне — для собственного ощущения превосходства и покровительства перед «бедными, слабыми, обездоленными».

Таксист говорит, что нужно объехать здание ещё раз, чтобы выехать на менее загруженную трассу. Поток транспорта огромен, заворачиваем очень медленно. Машина опять проезжает мимо того места. Мальчик с заплаканными глазами продаёт за доллар два ярко-зелёных шарика в прозрачной упаковке какому-то европейцу в кислотной футболке с Кришной. Я сжимаю пакет так, что карамельные шарики гулаб-джамунов превращаются в бесформенную массу.